

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 44–54.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 44–54.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-44-54

ДВА «ДОМА» ВЛАДИМИРА КАНТОРА: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ЛИТЕРАТУРОЙ

Борис Исаевич Пружинин

Институт философии
Российской академии наук,
Москва, Россия, prubor@mail.ru

Татьяна Геннадьевна Щедрина

Институт философии
Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский педагогический государственный
университет, Москва, Россия, tannirra@yandex.ru

Ирина Олеговна Щедрина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, semargel@mail.ru

Автор, ответственный за переписку: Борис Исаевич Пружинин

Аннотация. Юбилей философа — это всегда «оглядка» на прошедшее с желанием уразуметь интеллектуальные траектории его творчества. Владимир Карлович Кантор идет по пути писателя-мыслителя, он созидает два «дома» (как и задумал в самом начале своего творческого движения) — Литературу и Философию. Его метод философического «письма» предполагает целостное единство разума и чувствования в уразумении реальности, и потому труды В. К. Кантора вписываются в традицию «положительной философии» на русской почве, включающую идеи П. Д. Юркевича, В. С. Соловьева, Л. М. Лопатина, кн. С. Н. и Е. Н. Трубецких, Г. Г. Шпета и др. Философическое «письмо» В. К. Кантора — это один из вариантов экзистенциальной экологии, которая принципиально человекоразмерна, то есть направлена на исследование того, как человек постигает себя в мире через акты наррации (через повествование). Большинство созданных юбиляром литературных произведений содержат не только метафорическое описание реальности (бытия русской классики), но и философический элемент саморефлексии. В. К. Кантор предлагает тому, кто делает культуру (художнику, поэту, писателю), «изображая, понимать», уразумевать «чувственную мысль» в конкретных исторических контекстах. Авторы статьи последовали этому девизу, обратившись к философской прозе юбиляра.

Ключевые слова: В. К. Кантор, философия, литература, философическое «письмо», экзистенциальная экология

Благодарности. Исследование И. О. Щедриной подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Два «дома» Владимира Кантора: между философией и литературой // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 44–54. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-44-54.

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

TWO “HOUSES” OF VLADIMIR KANTOR:
BETWEEN PHILOSOPHY AND LITERATURE

Boris I. Pruzinin

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, prubor@mail.ru

Tatiana G. Shchedrina

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia, tannirra@yandex.ru

Irina O. Shchedrina

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, semargel@mail.ru

Corresponding author: Boris I. Pruzinin

Abstract. A philosopher’s anniversary is always a “retrospective” on the past with the desire to understand the intellectual trajectories of their work. Vladimir Karlovich Kantor follows the path of the writer-thinker, creating two “houses” (as he envisioned at the very beginning of his creative journey) — Literature and Philosophy. His method of Philosophical “Writing” presupposes a holistic unity of reason and feeling in understanding reality, and therefore, the works of V. K. Kantor fit into the tradition of “positive philosophy” (non-positivism) on Russian soil, including the ideas of P. D. Yurkevich, V. S. Solovyov, L. M. Lopatin, Princes S. N. and E. N. Trubetskoy, G. G. Shpet, and others. The philosophical “Writing” of V. K. Kantor is one of the variations of existential ecology, which is fundamentally human-sized, i.e., directed towards the study of how a person comprehends themselves in the world through acts of narration (through storytelling). Most of the literary works created by the celebrant contain not only a metaphorical description of reality (the being of Russian classics) but also a philosophical element of self-reflection. V. K. Kantor offers to those who create culture (artists, poets, writers) “to understand by depicting,” to comprehend “sensuous thought” in specific historical contexts. The authors of this article followed this motto, turning to the philosophical prose of the celebrant.

Keywords: V. K. Kantor, Philosophy, Literature, Philosophical “Writing,” Existential ecology

Acknowledgments. The research of Irina O. Shchedrina was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Pruzhinin, B. I., Shchedrina, T. G., Shchedrina, I. O. (2025) “Two ‘Houses’ of Vladimir Kantor: Between Philosophy and Literature,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 44–54. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-44-54.

Размышляя о работе исследователя, историка-архивиста, Владимир Кантор поделился однажды впечатлениями из детства: «...следовать за мыслями великого человека есть занятие удивительное, — рассказывал он. — Но, когда исследователь не просто следует за мыслями гения, не просто анализирует их, а воскрешает забытые тексты, реконструирует их, восстанавливает то, что было утрачено и, казалось, пропало навсегда, это занятие особенное. Оно напоминает мне своего рода проявление переводных картинок. Сейчас их уже не увидеть в продаже, стало быть, и не проявить, а когда-то это было любимейшим занятием моих сверстников. Взрослые нам покупали тонкие листочки, на которых сквозь смутную пленку угадывались контуры и краски возможной картинки. Надо было вырезать эту не проявленную картинку, приложить ее к нормальному листу бумаги и, осторожно смачивая водой, тихонько водить по поверхности пальцем. И вот начинали отслаиваться сероватые катышки, защитный слой утончался, и все отчетливее и отчетливее мы могли видеть будущее яркое чудо. Надо было быть только очень осторожным, чтобы, снимая пленку, ненароком не дернуть и не порвать, не уничтожить то, что под ней скрывалось. И если мы проявляли терпение и ловкость, бывали вполне вознаграждены. Как будто из некоего тумана, из белесой неотчетливости вдруг появлялась яркая, цветная и очень радовавшая нас картинка» [Кантор, 2006, с. 444].

Этот образ переводных картинок лежит в основании творчества Владимира Карловича, но особенно ярко такой метод работы проявился в его книге «Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте», где он попытался рефлексивно осмыслить бытие писателя-мыслителя. «Изображая, понимать» — в этой короткой, емкой формуле содержится смыс-

ловое ядро двух «домов» Владимира Карловича — Философии и Литературы. Изображает литература, понимает философия.

«Разве можно художнику собственноручно разрушить данную его глазам и потому подлинную действительность? — писал Густав Густавович Шпет. — Разве есть и разве может быть иная? Ей можно только “подражать”; ее надо творить; она — налицо, за нею — ничто. Изображайте ее, но не обезображивайте. Все ее внутреннее — ее внешнее. Внешнее без внутреннего может быть — такова иллюзия; внутреннего без внешнего — нет. Нет ни одного атома внутреннего без внешности. Реальность, действительность определяется только внешностью. Только внешность — непосредственно эстетична» [Шпет, 2007а, с. 190]. И Владимир Карлович это отчетливо понимает как ориентир своего творчества. Писатель создает образы реальности, а философ, обращаясь к ее осмыслению, сквозь ее образы эту реальность понимает, то есть схватывает ее смысл. В образе не просто «отпечатлевается» реальность, но проступает смысл того, что изображено. В литературе в метафорической форме выражается в Слове то, что затем концептуально «оформливается» в философском Понятии.

Описывая этот процесс как процесс «терминологизации» метафоры, Сергей Сергеевич Аверинцев замечал: «Когда философский термин уже стал философским термином, он тем более однозначен, намеренно фиксирован, стабилен — иначе он не был бы термином. Значит, как бытовое слово, так и термин — предметы малоподвижные, которые “знают свое место” и не дают сдвинуть себя с этого места. Но для рождения термина нужен сдвиг. Если вообразить, будто бытовое слово как таковое может стать термином, получается некое подобие Зеноновой апории о стреле: вот сейчас стрела находится в таком-то месте, в следующее мгновение — в другом месте, а когда же, как же она успела переместиться? Между бытовым словом и философским термином непременно должна лежать зона, в которой слова освобождены от жесткой связи со своим жизненным “местом”, сдвинуты с него, вышли из своих берегов, из равенства себе. Иначе говоря, это зона метафоры. Ведь философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как установленная, фиксированная, застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле» [Аверинцев, 1979, с. 51–52]. Действительно, именно в литературе рождаются слова, «вся полнота смысла которых не раскрывается в повседневном употреблении, но в судьбоносных для народа моментах культурно-исторических поворотов, в ситуациях радикального сдвига в этих повседневных словах вдруг начинает выражаться глубинная суть этих поворотов, отправляющих нас к самим основаниям куль-

туры. И тогда в этих словах проявляются глубинные смысловые оттенки, ставящие их в ранг философских терминов» [Щедрина Т. Г., 2008, с. 21]¹.

И вот эти эпохи социальных сдвигов и политических вывихов, эти «роковые минуты» мира и преобразует Владимир Карлович. Он создает литературу, изображая реальность и понимая ее философский смысл. Понимание — это особый метод, он требует от человека целостного взгляда, и неслучайно в качестве эпиграфа к одной из своих книг Владимир Карлович берет отрывок из романа Достоевского «Бесы»: «Ставрогин: я “почувствовал совсем новую мысль”. — “Мысль почувствовали?” — переговорил Кириллов. — Это хорошо. Есть много мыслей, которые всегда и которые вдруг станут новые» [Кантор, 2017, с. 5; Достоевский, 1974, с. 187].

Философическое «письмо» — так можно обозначить эпистемологический стиль Владимира Карловича, а направление, в которое вписываются созданные им произведения, — экзистенциальной экологией, пытающейся ответить на вопрос, как возможно обустроить внутренний дом человека, его душевный и духовный мир (см.: [Щедрина И. О., 2022, с. 74–75]). Вот, к примеру, как сам Владимир Карлович выражает смысл своей первой повести «Два дома»: «Душа человека в нашей общественной сумятице оказывалась без присмотра, да и не интересна. Интереснее сатирически изобразить политбюро или кошмары быта — отсюда чернушная литература, где внешняя обстановка не просто фон нашей жизни, а смысл произведения, хорошая пожива для литературно-общественной публицистики. Поэтому “Два дома” не знали, куда отнести, по какой рубрике. А это был вполне реалистический текст о душе и ее мытарствах» [Кантор, 2020, с. 9]. «Экзистенциальная экология» — понятие, которое подсказали нам, авторам этой статьи, наши исследования в области нарративных практик как познавательных стратегий отечественной экофилософской мысли, — это своего рода форма философского анализа, предполагающего снятие одного смыслового слоя за другим в стремлении «почувствовать» (в данном случае «умом узреть») то, что пытается сказать нам реальность. Философическое «письмо» открывает для читателя и для творца повествования возможность со-чувствия, со-переживания, «открывает» реальность, которая проступает сквозь «белесую неотчетливость» разорванных рацио и чувственности. Да, именно так, как с переводной картинкой: сквозь тончайшую пленку проступает «будущее яркое чудо».

¹ Между прочим, таковы почти все философские категории: пространство, время, мера, качество, количество и т. п. И мы сегодня очень часто употребляем их, не задумываясь о том бесконечно сложном и тернистом пути, который эти термины проделали от простых бытовых, повседневных метафор.

Философическое «письмо» — это особый, всегда авторский род литературного творчества. В «письме» Владимира Кантора можно, конечно, разглядеть и содержательный отклик на чаадаевские социально заостренные «Философические письма», и методологическую манеру «письма» Деррида, открывшего для нас способ «пересборки» словесных единиц для выявления в них новых смысловых нюансов. Но Владимир Карлович не пересобирает словесные единицы, он «переводит» русскую классику (с ее сюжетными линиями, персонажами, поэтикой и философскими беседами) на «язык» проблем современной российской действительности. Таково, к примеру, его повествование «Смерть пенсионера» — опыт «перевода» в современность «Станционного смотрителя». И во всяком случае, «перевод» этот убедительно демонстрирует нам, что классическая русская литература и есть картина «бытия России», ее подлинной культурной и гражданской реальности, которую нужно только умо-зреть за неотчетливой пленкой бытовой жизни.

Философическое «письмо» — это своеобразный опыт создания и анализа реальности, созвучный русской «положительной» философии в ее литературных истоках². «Философский проект, именованный “положительной философией”, принимался очень многими русскими философами, весьма и весьма различавшимися в иных отношениях. В основание “положительной философии” был положен фундаментальный принцип, предполагающий духовный рост и обогащение этой традиции через обращение к историческому опыту отечественной культуры, естественным образом включавшей в себя и религиозные идеи, и моральные установки, и принципы социального устройства общества» [Щедрина Т. Г., 2008, с. 38]. Если «перевести» этот процесс «письма» (как акта наррации) на строгий язык эпистемологии, то речь идет об осмыслении «человекообразных» объектов (или систем), отличающихся исторической изменчивостью. Экзистенциальная экология принципиально человекообразна. Тончайшая пленка, которую важно не порвать, — это и есть возможность со-чувствия, своего рода обращенный через себя к реальности автонарратив: когда я так повествую, я существую.

Уже в самых ранних своих литературных и философских опытах Владимир Карлович обустроивает свои «дома» с большой любовью, творчески преображая сюжеты русской классики. «Творчество — подражание (...) по воспоминанию (...). Поэтому подражание никогда не есть копирование. Воспоминания не было бы, если бы не было забывания. Забывание — кнут творчества, оно взды-

² Шпет определял традицию «положительной философии» на русской почве как «единое, внутренне связанное, цельное и конкретное знание о действительности» [Шпет, 2004, с. 199].

мает на дыбы фантазию. Парящий в пространствах фантазии “центр” напрягается до способности нового рождения, расслоения сконцентрировавшегося, дифференциации» [Шпет, 2007а, с. 188]. «Подражая не копировать, а создавать свое». Подражание — это школа для России. И если мы вспомним, что Владимир Карлович определял топос «дом» как топос «Россия» [Кантор, 2017, с. 301], создавая образ «русского европейца», то насколько созвучен его способ понимания с интерпретацией Г. П. Федотова: «русский европеец (...) дома везде» [Федотов, 1991, с. 178].

Тем не менее Кантор как философ отчетливо осознает границы «своего» и «чужого» и тем самым создает возможность для диалога между людьми, традициями, школами. И он, конечно, поддержал бы Густава Шпета, призывавшего современников-философов обратить внимание на проблемы своей культурной реальности. «Когда наши молодые ученые, — писал Шпет, — ездили в прежнее время на Запад “завершать” свою ученую школу, они слишком часто забывали, что там — только школа, а жизнь — здесь, и для своих самостоятельных работ они нередко выбирали темы и задачи, далекие от наших собственных, и ученых и культурно-исторических потребностей. Считалось, что решение какой-нибудь второстепенной научной задачи, выдвинувшейся в немецкой науке, удовлетворяло и наши культурные нужды. Как будто не хотели признать, что работа даже над первоклассным мастером требовала своего оправдания — или как методологический образец, или как тема, связанная материально с нашею культурою. Никого бы не удивило, если бы у нас появилось, без попыток даже оправдания, специальное исследование о любом второстепенном или третьестепенном мастере, оригиналы которого никогда даже не видели ни читатели, ни ученики, ни коллеги ученого исследователя. Но когда мы оказались “отрезанными” от Запада, побудило ли это нашу науку обратиться к организации работы в сфере собственной нашей культуры? Лишь отчасти» [Шпет, 2007б, с. 154]. Сегодня Владимир Карлович разделяет опасения Шпета. И потому, чтобы содержательно противостоять негативным трендам, он создал исследовательскую лабораторию, где и осмысливает вместе с коллегами и учениками возможные формы русско-европейского диалога, образцы которого находит в русской литературе. Следуя ее традициям, он создает собственные «концептуально-словесные» литературные произведения, где образы и герои живут в философско-литературном междумирье³. Он проявляет для

³ Хотя сегодня некоторые критики (да и сам Владимир Карлович) выделяют «двудомность» как смысловую доминанту его творчества (см.: [Кантор, 2020, с. 5]), мы все же думаем, что эпистемологическая метафора «междумирье» более точно передает фундаментальную онтологическую структуру его философического «письма».

себя и для читателя «переводные картинки» и, вглядываясь одновременно в них как философ, стремится увидеть то, что стоит за изображением. Создавая образы бытия, он пробивается к смыслу реальности как философ.

Список источников

Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Под ред. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1979. С. 41–81.

Достоевский Ф. М. Бесы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. М.: Наука, 1974. Т. 10. 518 с.

Кантор В. К. Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. 832 с.

Кантор В. К. Переводные картинки, или Целостный образ мыслителя [О книге Т. Г. Щедриной «“Я пишу как эхо другого...”: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета» (М.: Прогресс-Традиция, 2004)] // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 443–446.

Кантор В. К. Что значит быть писателем // *Кантор В. К.* Шум времени, или Быль и небыль. Философическая проза и эссе. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2020. С. 5–13.

Федотов Г. П. Письма о русской культуре // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 163–187.

Шпет Г. Г. К вопросу о постановке научной работы в области искусствovedения // *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007а. С. 149–163.

Шпет Г. Г. Философия и история // *Шпет Г. Г.* Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 191–200.

Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007б. С. 175–287.

Щедрина И. О. Историческая память и нарратив: экологические контексты. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 174 с.

Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. 391 с.

References

Averintsev, S. S. (1979) “Klassicheskaya grecheskaya filosofia kak yavlenie istoriko-literaturnogo riada” [“Classical Greek Philosophy as a Phenomenon of the

Historical and Literary Series”], in *Novoe v sovremennoi klassicheskoj filologii* [New in Modern Classical Philology]. Ed. by S. S. Averintsev. Moscow: Nauka, pp. 41–81.

Dostoevsky, F. M. (1974) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 10: Besy* [Complete Works: in 30 vols. Vol. 10: Demons]. Moscow: Nauka.

Kantor, V. K. (2017) *Izobrazhaia, ponimat', ili Sententia sensa: Filosofija v literaturnom tekste* [To understand by depicting, or Sententia Sensa: Philosophy in Literary Text]. Moscow; St. Petersburg: TSGI Print.

Kantor, V. K. (2006) “Perevodnye kartinki, ili Tselostnyi obraz myslitelja” [“Decal Pictures, or the Holistic Image of a Thinker”], on T. G. Shchedrina’s book “Ja pishu kak ekho drugogo...’: Oчерki intellektual’noi biografii Gustava Shpeta” [“I Write Like an Echo of Another...’: Essays on the Intellectual Biography of Gustav Shpet”] (Moscow: Progress-Traditsiia, 2004), in *Gustav Shpet i sovremennaia filosofija gumanitarnogo znaniia* [Gustav Shpet and Contemporary Philosophy of the Humanities]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul’tur, pp. 443–446.

Kantor, V. K. (2020) “Chto znachit byt’ pisatelem” [“What It Means to Be a Writer”], in Kantor, V. K. *Shum vremeni, ili Byl’ i nebyl’. Filosoficheskaia proza i esse* [The Noise of Time, or Was and Wasn’t. Philosophical Prose and Essays]. Moscow; St. Petersburg: TSGI Print, pp. 5–13.

Fedotov, G. P. (1991) “Pisma o russkoi kul’ture: v 2 tomakh” [“Letters on Russian Culture: in 2 vols”], in Fedotov, G. P. *Sud’ba i grekhi Rossii. Tom 2* [The Fate and Sins of Russia. Vol. 2]. St. Petersburg: Sofia, pp. 163–187.

Shpet, G. G. (2007a) “K voprosu o postanovke nauchnoi raboty v oblasti iskusstvovedeniia” [“On the Issue of Setting up Scientific Work in the Field of Art History”], in Shpet, G. G. *Iskusstvo kak vid znaniia. Izbrannye trudy po filosofii kul’tury* [The Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Ed. by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 149–163.

Shpet, G. G. (1998) “Philosophy and History. Translated by I. Martin,” *Philosophical Writings*, 9, Autumn, pp. 40–48.

Shpet, G. G. (2007b) “Esteticheskie fragmenty” [“Aesthetic Fragments”], in Shpet, G. G. *Iskusstvo kak vid znaniia. Izbrannye trudy po filosofii kul’tury* [The Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 175–322.

Shchedrina, I. O. (2022) *Istoricheskaja pamjat’ i narrativ: jekologicheskie konteksty* [Historical Memory and Narrative: Environmental Contexts]. Moscow–St. Petersburg: Center for humanitarian initiatives.

Shchedrina, T. G. (2008) *Arkhiv epokhi: Tematicheskoe edinstvo russkoi filosofii* [The Archive of Epoch: The Thematic Unity of Russian Philosophy]. Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторах:

Борис Исаевич Пружинин — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Татьяна Геннадьевна Щедрина — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; профессор Московского педагогического государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Ирина Олеговна Щедрина — кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the authors:

Boris I. Pruzhinin — DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of philosophy of natural Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Tatiana G. Shchedrina — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow of the Department of the History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Professor, Moscow Pedagogical State University. Address: 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation.

Irina O. Shchedrina — PhD in Philosophy, Associate Professor of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.